

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТНОМ ЧЛЕНЕНИИ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

1.1. Несмотря на более чем вековую историю удмуртской диалектологии, многие ее кардинальные вопросы еще не нашли удовлетворительного решения. В частности, до сих пор является дискуссионным важнейший вопрос о критериях классификации пространственно-структурных единиц удмуртского диалектного языка и — как следствие этого — о количестве и территории размещения последних. В результате каждый из исследователей удмуртской диалектной речи пользовался (и пользуется) в своей научной практике набором единиц собственной классификации, зачастую в количественном и качественном отношении не совпадающими с классификационными единицами других авторов или же с единицами своей же классификации в различных изданиях. Так, Ф. И. Видеманн (Wiedemann 1858) выделил в удмуртском языке 6 диалектов (глазовский, сарапульский, малмыжский, елабужский, казанский, оренбургский), а Б. Мункачи, несомненно знакомый с работой своего предшественника, считал возможным в одной из работ членить удмуртский язык на 5 диалектов (все те, кроме елабужского) (Munkácsi 1887: XII); в другой работе, изданной несколько позднее на основе почти тех же самых материалов, полностью принимает систему Ф. И. Видеманна, за исключением наименования одного из диалектов: «оренбургский» диалект Ф. И. Видеманна венгерский ученый назвал «уфимским» (Munkácsi 1896: XV). Подобное несоответствие в наименованиях одного и того же объекта встречается и у других авторов, ср. напр., термины «глазовский» (Лыткин, Тепляшина 1959) — «северный диалект» (Вахрушев 1959) для обозначения одного из диалектов север-

ного наречия; нередки случаи, когда под одним и тем же названием кроется не идентичная пространственно-структурная единица удмуртского языка, напр., «сарапильский диалект» у Видеманна и Мункачи, «казанский диалект» у Видеманна, Аминоффа и Мункачи (см. подробнее в таблице 2).

2.1. При этом одни из исследователей предположительно считают возможным классифицировать удмуртские диалекты на основе одного или крайне ограниченного круга структурных элементов языка. Например, Т. И. Тепляшина (1973б) предлагает при моделировании диалектного членения удмуртского языка обратить особое внимание «в числе прочих» на следующие особенности консонантизма: 1) наличие/отсутствие фонемы η (у автора: ng); 2) варьирование фонемы l (l/y ; у автора l/w) в определенных позициях в слове и 3) различия в развитии общепермских аффрикат $\check{z}$, $\check{z}$, $\check{c}$ и c . Это положение в принципе не может вызвать возражений, однако вопрос состоит в том, практически какие единицы диалектного членения могут быть выделены с их помощью при их чрезвычайно чресполосном характере — наречия, диалекты или говоры. Так, если наличие/отсутствие фонемы η в какой-то мере может служить основанием для противопоставления южного и северного наречий, то несохранением звонких аффрикат в середине и конце слова они объединяются в одну группу в противоположность так называемым промежуточным срединным говорам. Что касается варьирования l/y , явления чрезвычайно перспективного для классификации коми диалектов, то его применение в удмуртской диалектологии в тех же самых целях почти невозможно, так как ослабление l в y (далее вплоть до полного его выпадения) чресполосно распространено в части срединных говоров, диалектов южного и периферийно-южного наречий (Тагакапов 1963: 189—190; Тараканов 1964б: 75—76, 78—79; Бушмакин 1971: 11; Зверева 1982: 62; Атаманов 1981: 49; Загуляева 1982: 6; Тепляшина 1961: 136—137; Кельмаков 1970: 10—11; и др.). В. К. Кельмаковым (1973б, 1976б) была сделана попытка положить в основу классификации удмуртских диалектов количество (и качество) их гласных фонем, что привело кдроблению удмуртской языковой области на диалекты и говоры с шестью гласными фонемами в их вокализме, с семью гласными, с восемью, девятью и десятью.

Однако данный способ классификации практически применим в удмуртской диалектологии при исследовании лишь частных явлений структуры языка, и в первую очередь тех, которые были положены в основу классификации, напр., в классифика-

ции Т. И. Тепляшиной — при рассмотрении отдельных вопросов консонантизма, В. К. Кельмакова — вокализма. Единицы членения, выделяемые при этом, оказываются большей частью случайными (напр., в классификации по составу гласных фонем в одну группу попадают бесермянское наречие и канлинский говор (шесть гласных фонем), северное и южное наречия (семь гласных), имеющих между собой существенные различия по целому ряду других — не менее важных — признаков) и поэтому малопригодными для описания языка как сложной иерархической системы пространственно-структурных единиц.

2.2. Более перспективным, на наш взгляд, является второй способ дробления удмуртского диалектного языка, впервые предложенный эстонским ученым Ф. И. Видеманном в 1858 году, который на основе учета фонетических, морфологических и частично лексических различительных признаков вычленил 6 диалектов (см. 1). Вслед за ним 2—10 диалектами оперировали в своих трудах Т. Г. Аминофф — казанским, вятским (якшурским) (Aminoff 1886; 1896), Б. Мункачи — глазовским, сарапульским, малмыжским, елабужским, казанским, уфимским, слободским, самарским, бирско-уфимским, пермским (Munkácsi 1887; 1896; 1952), Ю. Вихманн — глазовским, малмыжским, елабужским, малмыжско-уржумским, уфимским, бесермянским (Wichmann 1893; 1901a; 1954), И. В. Яковлев (1924) — глазовским, елабужским, сарапульским и казанским; и др. Этими учеными в конце XIX — начале XX вв. было выявлено в общей сложности свыше десяти диалектов, однако ими при всей их громадной эрудиции и знания фактического материала не удалось — вероятно, они и не ставили цели — моделировать сложную иерархическую структуру удмуртского диалектного языка. В результате замены многоступенчатой иерархии единиц диалектного членения линейно расположенными на одной доске оказались как самые крупные единицы диалектного членения — наречия (северное — «глазовский диалект», южное — «елабужский диалект», бесермянское — «бесермянский диалект»), так и единицы более мелкого их дробления — диалекты и говоры (кукморский — «казанский диалект», бавлинский — «самарский диалект», шошминский — «малмыжско-уржумский диалект», буйско-таныпский — «уфимский диалект» и т. д.).

3.1. Значительно большая четкость в выделении диалектов была достигнута в 30-е и последующие годы в трудах Т. К. Борисова (1932), С. П. Жуйкова (1935), В. И. Лыткина и Т. И. Тепляшиной (1966а: 278—280) и других. Так, по мнению Т. К. Борисова, удмуртская языковая область делится на 4 наречия: северное, срединное, южное и крайне-южное, которые в свою

очередь членятся на более мелкие единицы — говоры. Впервые у Т. К. Борисова находим, наряду с описанием характерных черт каждого наречия и их говоров, попытку определить границы распространения тех и других (Борисов 1932: VI—VII). Эта многоступенчатая иерархическая модель диалектного членения удмуртского языка впоследствии уточнялась, конкретизировалась — в числе прочих, относительно бесермянского наречия и срединных говоров — в трудах В. И. Лыткина, Т. И. Тепляшиной и др. В университетской программе по удмуртской диалектологии, составленной В. К. Кельмаковым (1974а: 9—10), представлено членение удмуртского языка на 4 наречия (северное, южное, периферийно-южное и бесермянское), имеющие свои диалекты и говоры, и две группы переходных говоров: срединные (промежуточные между северным и южным наречиями) и закамские (промежуточные между южным и периферийно-южным).

3.2. Эта модель диалектного членения, принятая в вузовском преподавании и в кругу диалектологов республики в качестве рабочей (иначе: Тепляшина, Лыткин 1976б: 102—106), к сожалению, также не вполне совершенна и имеет, на наш взгляд, ряд недостатков, в числе которых наиболее существенным является отсутствие единых критериев для выделения перечисленных наречий. Так, если северное и южное наречия противоплагаются на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях (см. подробнее Кельмаков 1981а: 32—36), то южное и периферийно-южное, имея в целом общую морфологию, отличаются друг от друга преимущественно на фонетическом уровне (см. 6) и лишь частично — лексически.

4. При усовершенствовании моделирования удмуртского диалектного языка необходимо принять во внимание следующее:

Во-первых, то, что в лингвистической литературе по диалектологии различных языков имеет место разнобой в употреблении терминов говор, диалект, наречие. Они применяются нами в следующих значениях: **говор** — наиболее мелкая, по существенным признакам далее неделимая территориальная разновидность языка (правда, неделимость говора — понятие тоже относительное); несколько близкородственных говоров составляют **диалект**; совокупность диалектов, объединенных общими признаками, составляют **наречие** — самую крупную исторически сложившуюся единицу диалектного членения. При этом термин **диалект** контекстуально может быть использован в двух значениях: как для обозначения единицы диалектного членения языка, средней между говором и наречьем, так и для обозначе-

ния любой единицы диалектного дробления языка, безотносительно к ее месту в иерархии таких единиц. Со вторым его значением соотносятся термины **диалектный** и **диалектология**.

Во-вторых, то, что абсолютное большинство соответственных явлений на всех уровнях языка двучленно (см., напр., 5.1.) и при всей чресполосности и несовпадении ареалов распространения одних соответственных явлений с территорией размещения других, они делят удмуртскую языковую область на два больших региона. За пределами этих единиц (регионов) оказываются бесермянское наречие, причудливо сочетающее в себе ряд специфических «бесермянских» черт с отдельными южными и северными элементами (см. 8), и срединные говоры, на которые с севера наплывают севернудмуртские особенности, с юга — южнудмуртские, а также некоторые говоры на территории Башкирии и Пермской области.

Таким образом, сохраняя в основе классификации комплекс морфологических, фонетических и лексических особенностей, — причем особенностям каждого уровня отводится вполне определенная роль — мы предлагаем несколько видоизмененную модель диалектного членения удмуртского языка, по которой могут быть выделены следующие структурно-пространственные единицы:

- 1) северное наречие, охватывающее, помимо современного северного наречия, некоторую часть срединных говоров;
- 2) южное наречие, куда входят современные южное и периферийно-южное наречия и закамские говоры;
- 3) срединные говоры, не совсем, разумеется, совпадающие с современными срединными;
- 4) бесермянское наречие.

5.1. Противопоставление северного и южного наречий осуществляется на всех уровнях языка¹.

Например, на морфологическом:

1) показатель аккузатива множественного числа *-ты/-ыз* (в местоимениях еще и *-ды/-ыз*): *валйос ты/валйосыз* «лошадей», *писпуосты/писпуосыз* «деревья (акк.)», *коркаосты/коркаосыз* «дома (акк.)» (см. карту № 3); *соосты/соосыз* «их», *мил'эмды/мил'эмыз* «нас», *тил'эдды/тил'эдыз* «вас»;

2) показатель элатива *-ыс'/-ис'*: *азбарыс'/азбарис'* «со двора», *вуыс'/вуис'* «из воды», *коркаосыс'/коркаосис'* «из домов», (в наречно-последложных формах, где рассматриваемый падежный формант выступает в деривационной функции:) *отыс'/отис'* «оттуда», *кыд'окыс'/кыд'окис'* «издалека», (*эйсёк*) *улыс'/улис'* «из-под» (стола)» (см. карту № 4);

3) показатель эгрессива *-ыс'эн/-ис'эн*: *бакчыс'эн/бакчаис'эн*

«от огорода; в огороде», *вукоыс'эн* / *вукоис'эн* «от мельницы, из мельницы; в мельнице», *школаосыс'эн* / *школаосис'эн* «от школ, из школ; в школах», (в функции словообразовательных суффиксов наречно-последложных форм:) *кытыс'эн* / *кытис'эн* «откуда; где», *матыс'эн* / *матис'эн* «вблизи, близко», (*воз'*) *вылыс'эн* / (*воз'*) *вылис'эн* «с (луга); на (лугу)» (см. карту № 4);

4) суффикс причастия «настоящего времени» от глаголов I спряжения *-ыс' / -ис'*: *мыныс' / мынис'* «идущий, едущий», *нуыс' / нуис'* «несущий, везущий, ведущий», *дышэтыс' / дышэтис'* «обучающий; учитель», *азэыс' / азэис'* «видящий; свидетель»;

5) суффикс деепричастия *-ку / -кы*: *турнаку(м) / турнакы(м)* «когда (я) косил(а)», *кырэаку(д) / кырэакы(д)* «когда (ты) пел(а)», *из'ыку(э) / из'ыкы(э)* «когда (он, она) спал(а), *ужаку(ды) / ужакы(ды)* «когда (вы) работали, во время (вашей) работы, при (вашей) работе» (см. карту № 5);

6) аналитический/синтетический способы образования отрицательной формы глаголов второго (неочевидного) прошедшего времени: (*со*) *өвөл кошкэм / кошкымтэ* «он не ушел (не уехал), оказывается», (*тон*) *өвөл лэс'тэм / лэс'тымтэйэд* «ты не сделал, оказывается», *өвөл кылис'кэм / кылис'кымтэйэ* «я не (у)слышал, оказывается»;

7) показатель датива личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного лица *-Ө / -лы*: *мил'эм / мил'эмлы* «нам», *тил'эд / тил'эдлы* «вам». И некоторые другие.

В области фонетики:

1) отсутствие/наличие фонемы η (в северном наречии $*\eta > n$, m , n'): *жыны* / *жыны* «половина», *ангэс / аңгэс* «подбородок», *яна / яңа* «галка», *бам' / баң* «щека; склон; лезвие (ножа)», *зым (зын) / зыη* «запах; вонь», *пум* / *пуη* «конец, окончание», *дин' / диη* «комель; основание»;

2) гласные *ы / и* в пределах первого слога десятка корней в позиции перед палатальными согласными: *выл' / вил'* «новый» (см. карту № 1), *выз'э / из'э* «спит», *тыс' / тис'* «зерно, семя; подсолнух», *пыз' / пиз'* «мука», *быз'э / биз'э* «бежит; выходит замуж», *ызы' / из'ы* «шапка», *ныл' / н'ил'* «четыре»;

3) употребление корневых *и / ы* в определенной группе лексем (преимущественно перед велярными или *и* в соседстве с *ж* и *ш*): *гинэ / гынэ* «только, лишь», *гижы / гыжы* «ноготь, коготь», *чирдэ / чырдэ* «поет (о птицах), сев. «поет, отпекает (в церкви)», южн. «читает», *шканы / ышканы* «рвать, вырывать, дергать, щипать», *с'ир / с'ыр* «сера, смола (древесная)», *жингыртэ / жыηгыртэ* «звенит, бренчит», *жил'ы / жыл'ы* «цепь»;

4) сочетания *-ий/-ий-* на стыке глагольного или именного корня с конечным гласным *ы* и служебной морфемы с инициальным согласным *й* (этимологическим или вторичным): *чыр-тыйэд/чыртийэд* «твоя шея», *гэры(й)эн/гэрийэн* «(с) плугом, сохой», *пурты(й)ын/пуртийын* «в котле», *куды(й)ыс'/кудийыс'* «из лукошка», *лымыйа/лымийа* «идет снег», *узийаны/узийаны* «собирать землянику». И т. д.

На лексическом уровне: *ака(й)/апай* «старшая сестра», *аскы(аску)/йуказ'э* «завтра», *йаблок/улмо* «яблоко», *кал'/ал'и* «сейчас», *кон'дон/укс'о* «деньги» (см. карту № 6), *копот'*, *пыл'/тузон* «пыль», *кос'ак/укно* «окно», *кыз/зök* «толстый», *огрэч/кийар* «огурец», *пила/бычкы (бис'кы)* «пила», *подушка/миндэр* «подушка», *пол/выж* «пол», *полат'/сэндра* «полати», *потолок/вöлдэт* «потолок», *ст'экло/пийала* «стекло», *уал'л'о (вал'л'о)/аз'ло* «прежде, раньше», *ул'ча/урам* «улица», *ус/мыйык* «усы», *шыкыс/сандык* «сундук», *кышканы/курданы* «бояться, (ис) пугаться» и др.

На семантическом уровне: *алданы* «потерять/«обмануть, провести», *мактаны* «хулить, иронизировать»/«хвалить», *тэччаны* «прыгать, скакать», «плясать, танцевать»/«прыгать, скакать», *тышкас'кыны* «драться»/«ругаться» и др.

5.2. Основанием для дальнейшего дробления северного наречия на диалекты и говоры служат соответственные явления преимущественно фонетического уровня, частично морфологического и, возможно, лексического (впрочем, удмуртская диалектная лексика изучена совершенно неудовлетворительно), напр.:

1) произносительное варьирование фонемы *ы* (*ы/э*): *кык/кэк* «два, двойка», *лыз/лэз* «синий»; *сылэ/сэлэ* «стоит», *вылын/вэлын* «высоко, наверху», «на»;

2) инициальное *ва-/уа-* в структуре более чем двух десятков корней: *ван'/уан'* «есть, имеется, наличествует», *ваз'/уаз'* «рано, ранний», *вайыж | уайыж* «оглобля», *вал'эс | уал'эс* «постель», *вамэн | уамэн* «через, поперек», *вармай/уармай* «тесть» и др.;

3) гласные *ы/у* второго слога при наличии гласного *у* в первом слоге (отсутствие/наличие прогрессивной дистантной ассимиляции гласного *ы* по огубленности): *пуны/пуну* «собака», *уйы/уйу* «соловей», *шунды/шунду* «солнце», *шуныт/шунут* «тепло, теплый», *йугыт/йугут* «свет, светлый, светло», *сусыпу/сусупу* «можжевельник (куст)», *турын/турун* «трава, сено», *шушы/шушу* «снегирь»;

4) гласные *ы/у* на исходе основы глаголов I спряжения перед деепричастным суффиксом *-ку* (отсутствие/наличие регрессивной дистантной ассимиляции гласного *ы* по огубленности): *с'удыку/с'удуку* «при кормлении», *кэл'тыку(м)/кэл'туку(м)* «когда (я) оставил (оставлял), когда (я) покинул (покидал)», *улыку(з)/улуку(з)* «при (его) жизни», «когда (он) жил»;

5) ударный/безударный характер суффиксов лица *-мы, -ды, -зы* в глагольных формах: *лыктысалмы' /лыктыса'лмы* «мы бы пришли (приехали)», *вэралоды' /вэрало'ды* «скажете», *ужазы' /ужа'зы* «они работали»;

6) наличие/отсутствие вторичных пространственных падежей с *н'* (в тех говорах, где они отсутствуют, обозначаемые ими отношения выражаются с помощью послеложных конструкций): *соосн'ын/соос дорын, соос дин'ын* «у них, при них», *соосн'ыс'/соос дорыс', соос дин'ыс'* «от них, от (из) их компании», *соосн'э /соос доры, соос дин'э* «к ним», *соосн'оз'/соос дороз', соос дин'оз'* «до них», *соосн'ыт'и/соос дорти, соос дин'ти* «мимо них, возле них, мимо их компании (напр. проходить)»;

7) образованием деепричастий посредством суффиксов *-тоз' (-тоз')/-чоз'(-чож)*: *гырытоз' (-тоз')/гырычоз' (-чож)* «до вспашки». И некоторые другие.

6. Южное наречие членится на *южный²* и *периферийно-южный диалекты*, которые, имея в целом общую морфологическую характеристику, на фонетическом уровне дифференцируются следующими различительными признаками:

1) наличием в системе вокализма 7/8—10 гласных фонем;

2) отсутствием/наличием фонемы *ў*: *куно/кўно* «гость», *тут/тўш* «борода», *куз/кўз* «пара», *кур/кўр* «луб, лубок», *муш/мўш* «пчела», *кус/кўс* «поясница, талия»;

3) неогубленным/огубленным характером гласной фонемы среднего ряда, среднего подъема *ö* (*ö/ö°*): *кбс/кб°с* «сухой», *вöй/вö°й* «масло, жир», *öс/ö°с* «дверь», *с'ööд/с'ö°д* «черный; грязный», *тöл/тö°л* «ветер», *л'öм/л'ö°м* «черемуха (ягода)». Исключения составляют закамские говоры, которые по целому ряду признаков относятся к периферийно-южным, однако при этом имеют, как и южные, неогубленный *ö*;

4) функционированием в системе консонантизма 4/2 аффрикат (в одних говорах периферийно-южного диалекта утратили свою фонематичность велярные аффрикаты, в других — палатальные);

5) сохранением/(диссимилятивной) палатализацией велярных анлаутных аффрикат *ж-* и *ч-* в положении перед *-Гж(-)* и

-Гш(-): *жож/зож, д'ож, д'зож* «грустный, печальный», *жуштэ/зуштэ, д'уштэ, д'зуштэ* «стонет, пыхтит», *жуш/зуш, д'уш, д'зуш* «брюшина, желудок», *чожэ/чошэ, т'ожэ, т'чошэ* «за, в течение, в продолжение», *чуш/чуш, т'уш, т'чуш* «желтый», *чош/чош, т'ош, т'чош* «вместе, совместно, одновременно, враз»;

б) употреблением в аглауте *й-/д'-* (*э-, д'э-*) (<*й-*): *йун/д'ун* (*зун, д'зун*) «крепкий, прочный, твердый», *йакэ/д'акэ* (*закэ, д'закэ*) «или, либо», *йаратон/д'аратон* (*заратон, д'заратон*) «любовь», *йэз/д'эз* (*зэз, д'зэз*) «провода», *йорос/д'орос* (*зорос, д'зорос*) «округа, окрестность», «приблизительно около, примерно». И др.

6.1. Количество и территория распространения говоров южного диалекта еще не полностью уточнены, что касается периферийно-южного диалекта, наиболее изученного в удмуртской диалектологии, то в нем на основе фонетических (преимущественно) критериев более или менее четко дифференцируются кукморский, шошминский, бавлинский, татышлинский, красноуфимский, ташкичинский (?), буйско-таныпский (см. таблицу 1) ³ и некоторые другие говоры, имеющие к тому же и естественные границы — они отделены друг от друга и от других говоров южного диалекта иноязычным населением.

Набор и сочетаемость перечисленных признаков достаточно ярко дифференцируют данные говоры друг от друга в рамках единого периферийно-южного диалекта. Несколько особняком стоят канлинский и шагиртский говоры, расположенные в смежности с периферийно-южными говорами, однако по своим фонетическим (и частично морфологическим) особенностям несколько отдаленные от последних. Впрочем, недостаточная их изученность и скудость опубликованных по ним текстовых материалов затрудняют решение вопроса относительно их места в системе удмуртских диалектов (канлинский говор в третьей колонке таблицы 2 дается в скобках).

7. Между северным и южным наречиями имеется полоса территории *средних говоров*, характеризующаяся совмещением окраинной части ареалов явлений, которые в отдельности свойственны или северному, или южному наречию. Набор таких элементов, разнородных по своему происхождению и диалектной принадлежности, и границы их размещения еще не определены.

8. Спецификой *бесермянского наречия* является сочетание в его грамматическом строе, фонетической системе и лексиче-

Говоры Фonetические явления	кукморский	шошминский	бавлинский	ташклинский	красноуфимский	ташкичинский	буйско-таныпский
1. Фонема $\bar{a}$	(+)	-	(+)	+	+	+	+
2. Фонема $\bar{y}$	-	-	-	+	+	+	-
3. Качество фонемы y : y_1	-	+	-	-	-	-	+
4. Фонема $\bar{y}$ в конце односложных основ ⁴	(+)	+	+	+	-	+	-
5. Массовое замещение праудм. $*\bar{i}$ гласным y в велярном окружении ⁵	-	-	-	-	-	-	+
6. Элементы палатальной гармонии гласных ⁶	-	-	-	+	+	+	-
7. Безударность личных суффиксов $-m\bar{z}$, $-\bar{d}'\bar{z}$, $-z\bar{z}'$ ⁷	+	-	-	-	-	-	-
8. $ya = \bar{z}$ ⁸	-	-	-	+	-	+	+
9. Позиционное варьирование $l \sim \bar{y}$ ⁹	(-/+)	+	-	-	-	-	-
10. Позиционное варьирование $l \sim l^{10}$	-	-	-	+	-	+	-
11. $l > l$ во всех позициях ¹¹	-	-	-	-	+	-	-
12. $\bar{y}$ не перед $-Гш(-)$ и $-Гж(-)$ ¹²	(-/+)	+	-	-	-	-	(+)
13. $\bar{z}$ не перед $-Гш(-)$ и $-Гж(-)$ ¹³	(-/+)	+	+	-	?	-	-
14. $-pCC->-pC-$, $-l'CC->-l'C$ ¹⁴	+	+	-	-	?	-	-
15. $-n'(-)$, $-\bar{d}'(-)$, $-t'(-)$ после u ¹⁵	+	+	+	-	-	-	-
16. $-t'$ в наречных формах ¹⁶	+	+	+	-	-	-	-
17. $-цц-$ в местоименных наречиях ¹⁷	+	-	-	-	-	-	-
18. $z > \bar{z}$ и $c > \bar{c}$ ¹⁸	-	-	-	-	+	-	-

ском составе южных (напр., деепричастие на $-k\bar{z}$; показатель аблатива $-lic'$ (аналогично в кукморском, шошминском, бавлинском, ташкичинском, канлинском говорах); наличие гортанного смычного согласного (имеется в периферийно-южном диалекте и некоторых говорах южного); отсутствие велярных аффрикат; замещение этимологических $\bar{z}$ - и $\bar{y}$ - перед $-Гж(-)$ или $-Гш(-)$ палатальными смычными $\bar{d}'$ - и t' -, как в кукморском говоре; замещение праудмуртского $*\bar{i}$ нелабиализованным гласным $\bar{z}$ ($<*\bar{i}$ ср. в буйско-таныпском — примеч. 5); и др.) и северных элементов (напр., наличие вторичных падежей на n' ; показатель аккузатива множественного числа $-t\bar{z}$; показатель элатива $-z\bar{c}'$ и эгрессива $-z\bar{c}'\bar{z}n$; суффикс причастия $-z\bar{c}'$; отсут-

ствии фонемы *η*; и др.) с рядом своеобразных «бесермянских» черт, представляющих собой или собственно бесермянские особенности в удмуртской диалектологии, или же гипертрофированные на бесермянской почве явления, спорадически встречающиеся и в других диалектах. Таковыми, на наш взгляд, являются:

1) замена этимологических шипящих *ш* и *ж* свистящими *с* и *з*, напр.: *сай* (удм. лит. *шай*) «могила, кладбище», *сан'ги* (*шаньги*) «шаньга, ватрушка», *сат* (*шат*) «разве, ли», *сара* (*шара*) «громко, вслух», *сэл'эп* (*шелеп*) «стружка, щепка», *пъсн'эр* (*пушнер*) «крапива», *бус* (*буш*) (пустой, полевой), *сус* (*шуш*) «некрасивый», *заг* (*жаг*) «сор, мусор», *озо* (*ожо*) «дерн», *озон* (*ожон*) «долото», *пузьм* (*пужым*) «сосна», *пъз* (*пуж*) «решето», *вз* (*ыж*) «овца», *бъз* (*быж*) «хвост» и др. (Тепляшина 1970а: 133—135; о происхождении данного явления см.: Тепляшина 1970а: 136—141; иначе: Серебренников 1972б). В других диалектах рассматриваемый фонетический процесс не отмечен;

2) субституция праудмуртского гласного *o фонемой *э* (регулярно) или другими гласными — *о* и *ъ* (спорадически), напр.: праудм. *vōj > сред. *вōй*, кукм. *вō'й*, бес. *вэй* «масло, жир»; праудм. *kōs > сред. *kōш*, кукм. *kō'ш*, бес. *кэш* «невкусный, неприятный на вкус, горький»; праудм. *rōlin > сред. *pōлын*, кукм., бес. *полън* «среди»; ср. еще: *д'эд'ъ* (удм. лит. *дōд'бы*) «сани», *жэк* (*жōк*) «стол», *йэ* (*йō*) «лед», *кэ* (*кō*) «жернов», *кэм* (*кōм*) «скорлупа, шелуха», *лэптънъ* (*лōптыны*) «всплыть, подняться», *мэзмънъ* (*мōзмыны*) «скучать», *с'эд* (*с'ōд*) «черный, темный», *т'эж* (*т'ōж*) «утка», *шэм* (*шōм*) «вкус»; *пор* (*pōр*) «домашнее дело, стряпня», *пос'тънъ* (*пōсьтыны*) «износиться, изнашиваться», *м'й* (*м'ōйы*) «старый; старик» и др. (см. Тепляшина 1970а: 76—78). Следствием этого является полное выпадение *ō* из системы гласных бесермянского наречия (спорадическое замещение *o гласным *э* встречается и в других южноудмуртских говорах; в канлинском говоре *o > *o*);

3) массовая палатализация зубных согласных *н*, *д*, *т* в соседстве с переднерядными гласными *э* и *и*, напр.: *ин'тъ* «место», *ит'эт* «наставка», *д'ис'* «одежда», *д'ин'* «конец, край», *н'ин'* «лыко», *т'ир* «топор», *т'ийанъ* «разрушить», *бурчин'* «шелк», *ул'с'ат'и* «по улице», *от'и* «там», по тому месту», *т'эбэт'* «пеленка», *т'эрънъ* «вместиться, войти», *т'эшкъл'и* «щелчок», *д'эмэн* «сообща», *д'эра* «холст», *д'эрэм* «рубашка» (Тепля-

шина 1970а: 79—82) (спорадически встречается и в диалектах северного и южного наречий);

4) нерегулярная дезаффрикатизация нена начального *ч* ($\triangleright c'$): *ачъм* ~ *ас'ъм* «я сам», *бакча* ~ *бакс'а* «огород», *кайчъ* ~ *кайс'ъ* «ножницы», *пэчи* ~ *пэс'и* «маленький», *ичи* ~ *ис'и* «мало, недостаточно», *л'эчът* ~ *л'эс'ът* «острый (о режущих предметах)», *бэчоло* ~ *бэс'оло* «цуг»; *лачак* ~ *лас'ак* «много, порядочно», *бис'* «щекотка» и др. (Тепляшина 1970а: 145) (встречается также в отдельных говорах южного наречия).

Наличие в языке бесермян, наряду с северными и южноудмуртскими особенностями, третьей группы явлений, и все это в сочетании с большим количеством специфических бесермянских слов различного происхождения, позволяет, как нам кажется, выделить его в особое наречие удмуртского языка.

9. Данная модель диалектного членения коррелирует и с историей формирования удмуртских диалектов. Наиболее древним является членение удмуртской языковой области на два ареала: северный и южный. В северном ареале сформировалось впоследствии северное наречие. На базе южного ареала — вследствие изолированного развития отдельных его частей — возникли два южноудмуртских диалектных типа: 1) южный диалект — тип с относительно новым вокализмом и более архаичным консонантизмом (в говоре д. Варклет-Бодья Агрызского района Татарской АССР неизменно сохранился, в частности, прайдмуртский состав согласных, полностью совпадающий с прапермским — см. Кельмаков 1985а: 279); 2) периферийно-южный диалект, сочетающий в своем вокализме наиболее архаичные элементы с отдельными позднейшими инновациями и претерпевший значительные изменения в области консонантизма. На стыке двух крупных диалектных массивов возникли промежуточные срединные говоры. Что касается бесермянского наречия, то оно в основе своей является, по нашему мнению, разновидностью архаичного южноудмуртского типа, развившегося под интенсивным тюркским влиянием и довольно рано оказавшегося в инодиалектном северноудмуртском окружении, что и обусловило весьма своеобразное его развитие.

10. Окончательное выяснение территории распространения северного и южного наречий (и их диалектов и говоров), промежуточных срединных говоров возможно лишь на основе лингвогеографического описания удмуртского языка. К настоящему времени на кафедре удмуртского и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета имени 50-летия СССР опубликована небольшая программа, которая содержит 400 словоформ удмуртского языка, сгруппированных по

Диалектное членение удмуртского языка, установившееся к настоящему времени		Удмуртские диалекты	
		Wiedemann 1858	Aminoff 1886, 1896
СЕВЕРНОЕ наречие	Глазовский диалект ²⁰	глазовский (и слобод.)	
	Нижнечепецкие говоры ²¹		
	Верхнечепецкие говоры ²²		
	Тыловайский диалект ²³		
.....			
СРЕДИННЫЕ говоры	Средневосточные говоры ²⁴	сарапуль- ский	ВЯТСКИЙ
	Верхнеижские говоры ²⁵		
	Увинско-важские говоры ²⁶	малмыж- ский	
	Прикильмезские говоры ²⁷		
.....			
ЮЖНОЕ наречие	Среднеюжный диалект ²⁸	елабуж- ский	
	.....		
	Кыркмасские говоры ²⁹		
	Граховские говоры ³⁰		
.....			
ПЕРИФЕРИЙНО-ЮЖНОЕ наречие	Кукморский диалект ³¹	казанский	казанский
	Шошминский диалект ³²		
	Бавлинский диалект ³³		
	Ташкичинский диалект ³⁴		
	Красноуфимский диалект ³⁵		
	Татышлинский диалект ³⁶		
ЗАКАМСКИЕ говоры	Буйско-таныпский (закам.) говор ³⁷	оренбург- ский	
	Канлинский говор ³⁸		
	.....		
БЕСЕРМЯНСКОЕ НАРЕЧИЕ ³⁹			

в трудах Ф. И. Видеманна и зарубежных ученых

Уточненное диалектное членение удмуртского языка

Munkácsi		Wichmann
1887, 1896	1952	1893, 1901, 1954

глазовский	глазовский	глазовский
	слободской	

сарапульск.		
	сарапульский	
малмыжский		малмыжский

елабужск.	елабужский	елабужск.
-----------	------------	-----------

казанский	казанский	малмыжско-уржум.
	самарский	
уфимский	бирско-уфимский	уфимский
	пермский	
	уфимский	

		бесермянский
--	--	--------------

СЕВЕРНОЕ НАРЕЧИЕ

Говоры и диалекты

СРЕДИННЫЕ ГОВОРЫ

Южный диалект

Говоры

ЮЖНОЕ НАРЕЧИЕ

Периферийно-южный диалект

- кукморский говор
- шошминский говор
- бавлинский говор
- ташкичинский говор
- красноуфимский говор
- татышлинский говор
- буйско-таныпский говор
- (канлинский говор)

БЕСЕРМЯНСКОЕ НАРЕЧИЕ

КАРТА № 1
 Корневые и и ы (ь) в слове выль 'новый'

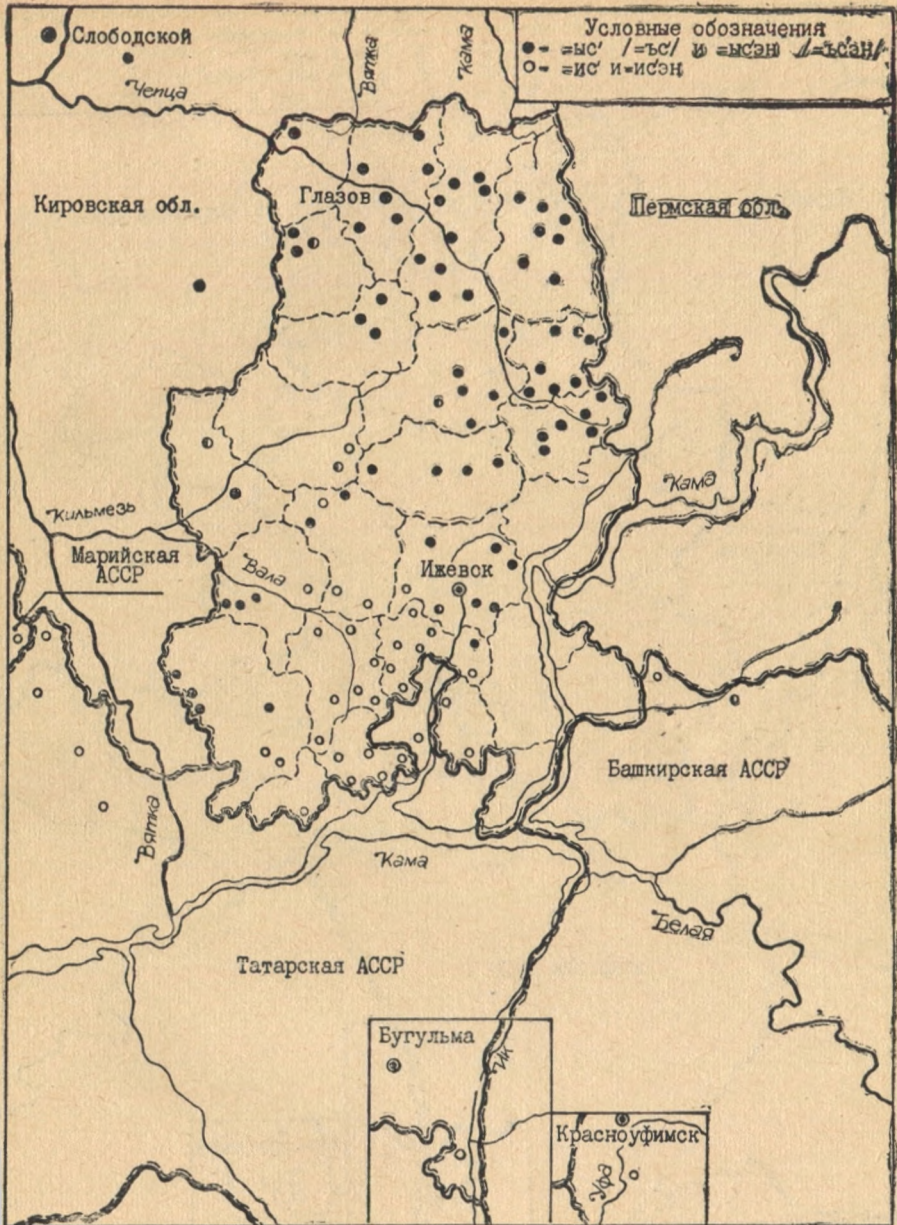

КАРТА № 2

Согласные н и н' после корневого гласного и /кин ~ кин' 'кто'/

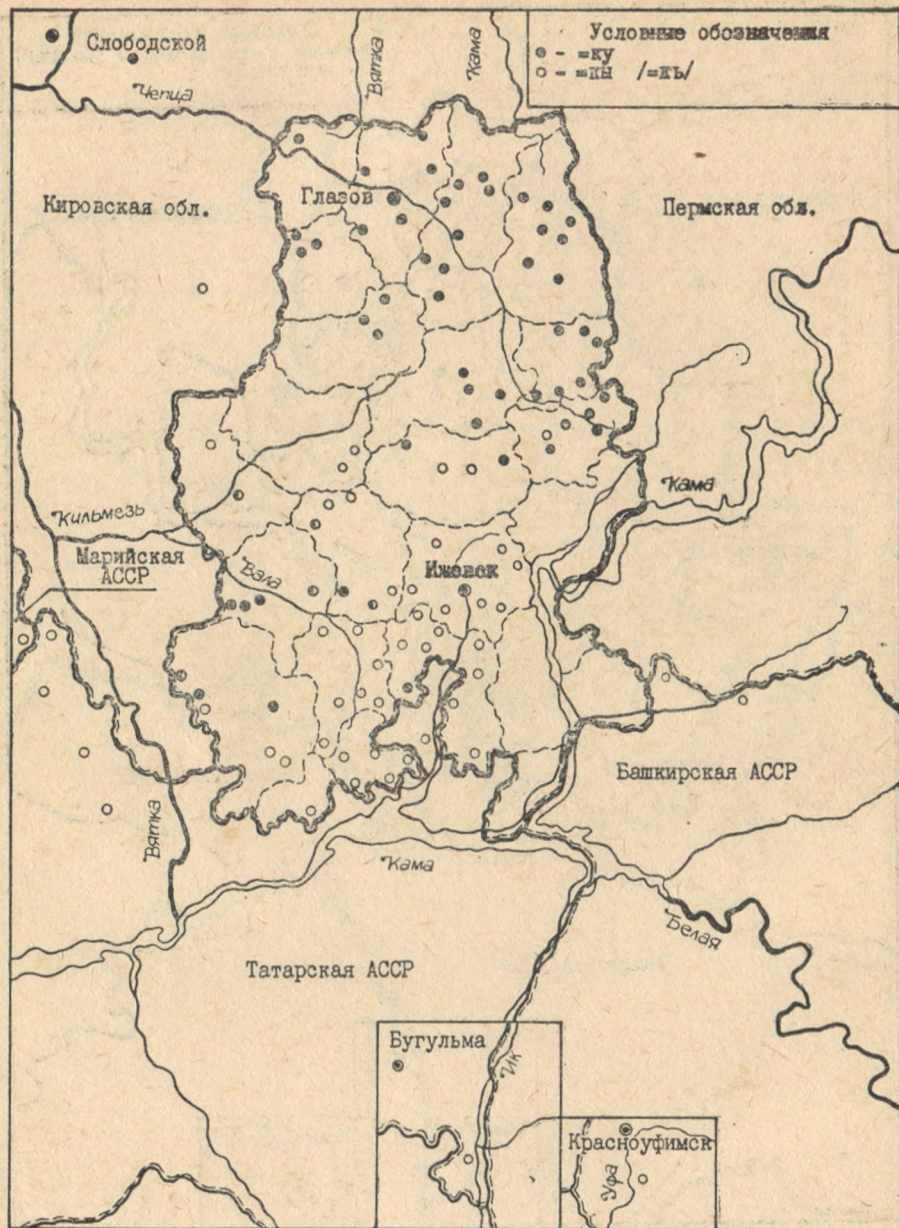

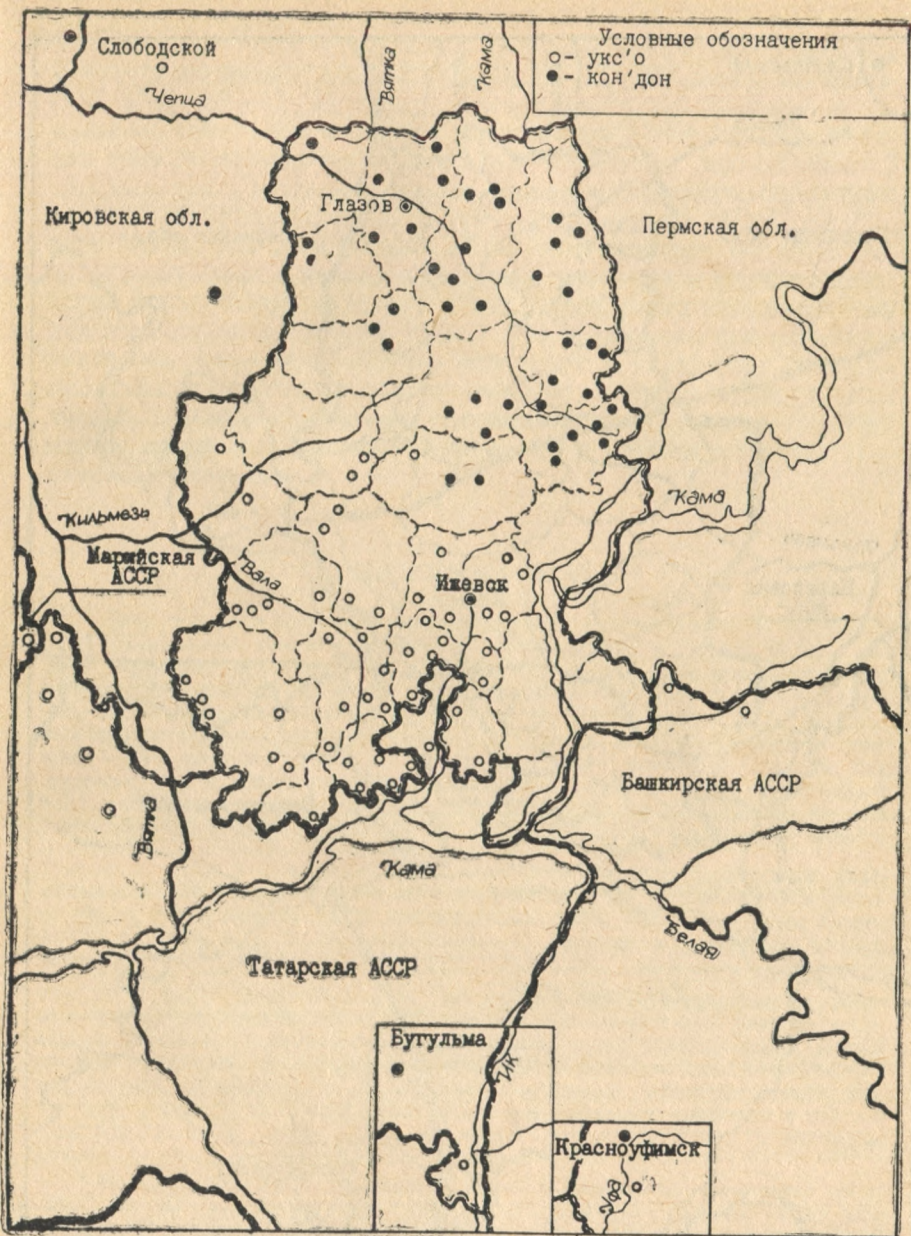
КАРТА № 4

Показатели элатива и эгрессива имен существительных

КАРТА № 5

Показатель дееспричастия с временным значением

КАРТА № 6
 Слово со значением 'деньги'

КАРТА № 7

45 вопросам — соответственным явлениям всех уровней системы удмуртского языка: фонетики (вопр. 1—26: 309 слов), морфологии (вопр. 27—43: 69 слов), лексики (вопр. 44: 18 слов) и семантики (вопр. 45: 4 слова) (Кельмаков 1985б: 6—20) и начат сбор фактического материала. К статье прилагаются 7 пробных карт, составленных на основе материалов, собранных членами кафедры, сотрудниками сектора языка НИИ при Совете Министров Удмуртской АССР и студентами очного и заочного обучения в период их полевой практики и в ходе выполнения контрольной, курсовой и дипломной работ по удмуртской диалектологии: две карты (№№ 1 и 2) посвящены фонетическим явлениям, три — морфологическим (№№ 3, 4, 5), одно (№ 6) — лексическому соответственному явлению; на карте № 7 проведены предполагаемые на основе предварительных данных границы между северным и южным наречиями и промежуточными средними говорами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этот вопрос в последнее время подробно рассматривала Т. И. Тепляшина (Тепляшина, Лыткин 1976б: 104—106), однако в данной работе, наряду с верными наблюдениями, встречаются определенные неточности. Так, методически едва ли правильна характеристика северного и южного наречий, четко противопоставляемых друг другу на основе целого ряда двучленных соответственных явлений, путем соотнесения их с литературным языком, нормы которого довольно пестры и нередко совмещают в себе как северные, так и южноудмуртские особенности. Иногда автор приписывает тому или иному наречию такие особенности, которые свойственны не для всего наречия, а лишь отдельным его говорам, напр.: употребление билаби-

ального *y* перед *a* в начале слова (*yаn'* «есть, имеется»), окончание повелительного наклонения в I-м лице мн. числа *-t'э* (*кырзалоmт'э* «споем(те)!»), употребление таких местоименных форм, как *ачимэс* «мы сами», *мил'эмэс* «нас» и т. д. (северное наречие); наличие в некоторых словах, преимущественно перед палатальными согласными, переднего лабиализованного *ü* (*күз'* «длинный») и др. (южное наречие). Встречаются и противоречивые утверждения: на с. 105 суффикс *-ск* возвратного глагола в северном наречии сопоставляется с суффиксом *-иськ*, выполняющим аналогичную функцию в литературном языке (*ватскыны* лит. *ватйськыны* «спрятаться, скрыться»), а на следующей странице южноудмуртский возвратный суффикс *-ис'к* противопоставлен уже другому суффиксу (*-ск*) литературного языка (*ватис'кыны* лит. *ватскыны* «спрятаться»). И некоторые другие.

² Название довольно условное и поэтому, возможно, временное: обозначенная им пространственно-структурная единица, занимая часть юга удмуртской языковой области, действительно является южной в отношении к северному и бесермянскому наречиям и средним говорам, однако внутри южного наречия она, противопоставляясь периферийно-южному диалекту, распространена на его **севере**.

³ Используемые в таблице знаки обозначают: + — наличие и — — отсутствие названного явления в рассматриваемом говоре, (+) — наличие диалектного факта лишь в части говора, (-/+) — непоследовательное употребление его на определенной территории распространения говора, ? — отсутствие в распоряжении автора сведений о данном признаке по рассматриваемому говору.

⁴ Напр.: *вү* «вода», *пү* «дрова, древесина; дерево», *шү* «калина», «скажи», *кү* «когда?», «кожа, шкура; пушнина», «тки», *зү* «щетина», *нү* «неси, вези; веди», *лү* «будь», *гү* «яма», *зү~д'ү* «хлеб (в зерне), жито», «пей», *сү* «сажа» и др.

⁵ Ср. в закамских говорах: *gümi > *гымы* «полое зонтичное растение, трубка», *küs > *кыс* «талия, поясница», *ninal > *нынал* «день», *tuš ~ *тыш* «борода» и др. В д. Большой Качак Калтасинского района Башкирской АССР в последнее время зафиксировано свыше 120 слов с гласным *ы* в пределах первого слога (~*у* или *ү* других диалектов), имеющих самое различное происхождение, напр.: *бырлы* «чалый», *быргы* «медная труба», *быс* «туман», *гыбырэс* «горбатый», *гыдыри* «гром», *гыдыны* «копать», *гызэмпү* «жимолость», *гымыр* «жизненный век», *гыры* «сережка (женский цветок у некоторых кустарников и деревьев)», *гырзыны* «отрыгнуться», *гырганы* «обвалиться, обваливаться», *гыштыны* «проваливаться (в снег)», *дырыны* «ковать», *дырын'чи* «оса», *дырттэ* «хочет, желает, стремится (что-л. делать)», *жыммыны* «ослабнуть», *зыбыртэ* «кто-то ползет по спине», *зыбэқтыны* «затекать, онеметь (о руках и ногах от долгого пребывания в неподвижном положении)», *зыд* «точило», *зыммыны* «нырять», *зындэс* «перстень, кольцо», *зыг* «спутанные (волосы)», *зыж* «наст», *зыкыртыс'* «скрипучий», *кыдо* «сват», *кыды* «лукошко», *кыз* «пара», *кы'зэм* «пьяный», *кыл'то* «сноп», *кыл'чо* «кольцо», *кымышка* «самогон», *кыно* «гость», *кырка* «индюк», *кыр* «ширина холста», «кора, луб», *кырл'аны* «выскребать», *кычо* «пестрый, пегий» и т. д. (Сократова 1984: 62—66).

⁶ Напр., в татышлинском: *бүг'йро* «сруб», *гүд'ы-* «копать, рыть», *гүр'ы* «сережки (женский цвет у березы, ольхи)», *пүны* «собака» — *тугэм* «обод (колеса)», *кужэм* «сила», *зужэт* «высокий», *ул'э-* «жить, поживать»; *арым* «полынь», *кадыр* «честь, почет, уважение», *зэмсыз* «некрасивый» — *сан'эк* «вилы», *калк* «народ», *так'эл* «струг»; *ар'ам* «попусту, зря, напрасно», *ай'ами* «человек», *б'ай'ай* «младенец, грудной ребенок», *б'ак'ас* «спор» — *арам* «он сжал, оказывается», *бабай* «дед», *с'а'ма* «кресало»; *бырды* «металлическая пуговица», *ым'ыт* «надежда», *ыры* «зазнайка» — *ч'эрт'э* «шея», *ж'э'т'э* «половина», *г'эр'э-* «пахать, запахать, вспахать»; *б'ыл'азык* «браслет с монетами (женское праздничное украшение)», *т'ил'ä-* «желать» — *к'эзам'эк* «корь», *п'шал* «ружье» и др. (подробнее см.: Кельмаков 1975б); в красноуфимском: *кубай* «бабушка» — *β'үд'р'ä-* «кудрявый», *укм'штон* «девяносто» — *пүныны* «плести, заплетать», *нас'к'эт* «широкий» — *а'зы'lä* «пророк», *чарак* «очень, весьма» — *д'ан'к* «много» (Насибуллин 1978: 89—90; 1981: 175—176); в ташкичинском: *у'э'м-* «озимь» — *мүз'ык'ан* «гармонь, гармошка», *мул'э*

«орех» — *күҗыл* — «настроение», *кэсэ* «карман» — *гымыр* «период человеческой жизни от рождения до смерти» (Насибуллин 1981: 177—180).

⁷ Напр., в кукморском: *бэртэкэмэ* «когда мы возвращались домой», *гуртис'кэмэ* «из нашей деревни», *вэ'лодэ* «будете ходить», *гит'каз'адэ* «в вашем дворе», *лэктэмтэ'э* «они, оказывается, не пришли», *ужэнэ'э* «их работой».

⁸ В закамских говорах исследователи фиксируют свыше 20 корней различного происхождения: *уагада* «обещание, обет», *уаз'* «рано», *уаз'эр:* *уаз'эр пинь* «клык», *уаз'ыны* «обратиться (к кому-либо), заговорить (с кем-либо); откликаться, отозваться», *уазэс* «время, период, момент», «место», *уайэс:* *уайэс скал* «корова, отелившаяся в двухлетнем возрасте», *уайыж* «оглобля», *уак* «мелкий, некрупный», «мелочь, разменная монета», *уакыт* «время; период, эпоха», *уал'ыны* «стлать, постелить», *уал'эг:* *збуал'эг* «гололед, гололедица», *уалэс:* *уалэс зю* «яровой хлеб, яровое жито», *уал'ан* «позавчера», *уалчэ* «вместе, совместно, коллективно», *уамэн* «поперечный; поперек; через, поперек», *уамыш* «шаг», *уан'* «есть, имеется», *уан'мы* «мы все», *уан'мыны* «иметь время на что-либо», *уанум* «век, конец жизни», *уарс'* «сусло», *уарм-:* *уарманай* «теща», *уас'аны* «сильно проголодаться», *уас'кыны* «сойти, спуститься», *уас'кытыны* «спустить (вниз), высадить (напр. с поезда)», «ударить», *уатыны* «спрятать, скрыть, утаить», «хоронить, похоронить», *уачэ* «вдвоем, совместно», *уашкала* «старинный, древний» и др. (Сократова 1984: 70—73).

⁹ Из пяти возможных для согласного позиций в фонетической структуре удмуртского слова *л* употребляется в двух: 1) в анлауте: *лыс* «хвоя, хвоинка», *луыны* «быть», *лымы* «снег»; 2) в середине слова после согласного и перед гласным: *вэтлэ* «ходит», *чакла* «рассматривает, наблюдает», *кислэс* «кряж»; его вариант *у* возможен в трех остальных: 3) в середине слова в интервокальном положении: *нууэс* «лес», *пауэз'* «рябина», *сууо* «кнут»; 4) в середине слова после гласного и перед согласным: *каутон* «невод», *нуумы* «наша дочь», *сыумэ* «растворяется»: 5) в ауслауте: *вау* «лошадь, конь», *тоу* «зима», *туу* «клин».

¹⁰ В отдельных диалектах полумягкий («среднеевропейский») вариант (*l*) фонемы *л* употребляется в соседстве с предшествующим (реже — с последующим) гласным заднего ряда, велярный вариант *л* — в остальных позициях, ср., в татышлинском диалекте: *тö'ol* «ветер» — *тол* «зима», *пуl* «доска, тес» — *туl* «клин», *тыläz* «он пожелал — *тэ'лаз* «в его огонь, в его «доска, тес» — *туl* «клин», *тыläz* «он пожелал — *тэ'лаз* «в его огонь, в его *мэл* «мед», *вэ'lэ* «ходит» и др.

¹¹ Напр., в красноуфимском: *лэмэ* «снег», *лэ* «кость», *толон* «вчера», *тулыш* «весна», *тол* «зима», *вал* «лошадь, конь», *нунал* «день», *аз'lo* «рань-

ше», *aldac'кънъ* «обманывать, обмануть», *āmāl* «способ, метод, средство», *bakal* «кружка», *ārlān* «хомяк», *bin'alton* «портянка», *lanэг* «низкий, пологий; мелкий», *lādrā* «ветвистый, низкорослый», *lom* «лом», *lonata* «лопата», *lūl* «душа», *lъишву* «роса», *майтал* «мыло» и т. д. (Насибуллин 1978: 94, 105—107, 126).

¹² Напр., в словах типа: *йын* «дым», *йукна* «утро; утром», *йана* «галка», *йэм* «частый, густой; часто, густо» и др.

¹³ В словах типа: *йжук* «каша», *йжит* «вечер; вечером; вечерний», *йжог* «спешно, быстро, срочно», *йжины* «половина», *йжуа* «горит» и др.

¹⁴ Ср., напр., сред. *бурчин* ~ кукм., шошм. *бурчин'* «шелк», *бырттыны* ~ *бъртънъ*, *быртыны* «вдеть, продеть, продернуть; нанизать; пришить», *вол'ччыны* ~ *вол'чънъ*, *вол'чыны* «соскользнуть, ускользнуть», *ворттыны* ~ *вортънъ*, *вортыны* «побежать, бежать (рысью), поскакать», *кэрттыны* ~ *кэртънъ*, *кэртныны* «связать, завязать, обвязать; связать, вязать, сплести, плести», *курткыны* (*курккыны*) ~ *куркънъ*, *куркыны* «встрянуть, встряхивать, отряхивать, выбить, выбивать, выколотить, выколачивать», *курччыны* ~ *курчънъ*, *курчыны* «укусить; откусить; взять (схватить) зубами, вцепиться зубами, держать в зубах», *орччыны* ~ *орчънъ*, *орчыны* «пройти, проехать, проходить (мимо); опередить, перегнать, обогнать; пройти, произойти; протекать; состояться», *пэрччыны* ~ *пэрчънъ*, *пэрчыны* «развязать, отвязать», *сэрттыны* ~ *сэртънъ*, *сэртныны* «распутать, размотать, распустить, развязать; разобрать», *турттыны* ~ *тэртънъ* «стараться, стремиться, намереваться, иметь намерение; пробовать, пытаться», южн. *туртто* ~ *турто* «оглобля», *чал'ччыны* ~ *чал'чънъ*, *чал'чыны* «отскочить рикошетом; отлететь», *чырткэм* (*чырккэм*) ~ *чъркэм* «бойкий, подвижный; жизнерадостный», *эрттон* ~ *эртон* «подвязка, тесемка (для чулок или гольфов)» и др.

¹⁵ Напр., южн. *ин'* ~ сев. *ин* «небо», *кин'* ~ *кин* «кто?», *с'ин'* ~ *с'ин* «глаз; глаза», *н'ин'* ~ *н'ин* «лыко», *гид'* ~ *гид* «хлев», *тэжит'* ~ *тэжит* «деготь», *пумит'*, *пуцит'* ~ *пумит* «против, навстречу» и др.

¹⁶ Ср. в кукморском: *от'и* «там, по тому месту», *кът'и* «где?, по какому месту?», *кот'кът'и*, *кот'ношкът'и* «везде, по любому месту», *ни'нокът'и* «нигде, ни по какому месту», *о'локът'и* «где-то, по какому-либо месту»; *тат'и* «здесь, по этому месту».

¹⁷ Речь идет о местоименных наречиях, в которых междиалектно корреспондируют -чч- и -цц-: *оччы* ~ *оццы* «туда», *таччы* ~ *таццы* «сюда», *кыччы* ~ *кыццы* «куда?»: *кот'кыччы* ~ *кот'кыццы* «куда угодно, в любое место», *оло'кыччы* ~ *оло'кыццы* «куда-то, куда-либо, куда-нибудь», *но'кыччы* ~ *но'кыццы* «никуда» и др.

¹⁸ Напр.: *шактънъ* (<*сактыны) «рассветать», *шо* (<*со) «он; она; оно»; *шокъ* (удм. лит. *соку*) «тогда», *ши'шш* (*сйныс*) «нить», *колъш* (*колыс*) «борщевик сибирский»; *жарн'и* (<*зарн'и) «золото», *жб'ок* (<*зб'ок) «толстый»; *кудиж* (удм. лит. *кудйз*) «который», *нуижъ* (*нуизы*) «отнесли, унесли», *потожъ* (*потозы*) «выйдут», *пэриалжъ* «(они) зашли бы», *тагайошъж* *л'уктажъ* (*такаосыз люктазы*) «(они) поили баранов» и т. д. (Насибуллин 1978: 94).

¹⁹ В таблице 2 использованы следующие обозначения: ... — неполнота перечисленных диалектов и говоров; ~ — расплывчатость границ единицы диалектного членения, неточность соответствия такой единицы у одного автора аналогичной единице другого.

²⁰ Лыткин, Тепляшина 1959; Вахрушев 1959; Тепляшина 1962: 282—288.

²¹ Тепляшина 1962: 289—294; 1970б.

²² Алашеева 1982; Каракулов 1982.

²³ Тепляшина 1955; 1962: 294—301.

- ²⁴ Бушмакин 1972.
²⁵ Тепляшина 1973а.
²⁶ Тараканов 1963; Зверева 1982; Перевозчикова 1982.
²⁷ Загуляева 1980в.
²⁸ Архипов 1962; 1978; 1981; 1982.
²⁹ Кельмаков 1977; 1978б; 1981б.
³⁰ Атаманов 1981.
³¹ Кельмаков 1969в.
³² Тепляшина 1961; 1962: 301—304.
³³ Тараканов 1959а.
³⁴ Насибуллин 1981: 177—180.
³⁵ Насибуллин 1978; 1981: 175—177.
³⁶ Кельмаков 1974б; 1975б; 1978а; Гильмаев 1981; 1982.
³⁷ Насибуллин 1972г.
³⁸ Насибуллин 1977; 1981: 173—175.
³⁹ Тепляшина 1962: 288—289; 1970а; Серебренников 1972б; Федотов 1982.

СОКРАЩЕНИЯ

акк.—аккузатив, винительный падеж, бес.—бесермянское наречие удмуртского языка, кукм.—кукморский говор удмуртского языка, праудм.—праудмуртский язык, сев.—северное наречие удмуртского языка, сред.—срединные говоры, удм. лит.—удмуртский литературный язык, шошм.—шошминский говор удмуртского языка, южн.—южное наречие удмуртского языка.